

Доктринальные основы беспрецедентной активизации внешней политики Турции (май 2026 г.)

Комментарий Центра АРВАК, 26.05.2026

Аннотация

АРВАК анализирует масштабный всплеск геополитической и доктринальной активности Анкары по состоянию на май 2026 года. Рассматриваются институциональные механизмы легитимизации морской концепции «Mavi Vatan» («Голубая родина») через турецкий парламент, а также радикальная реформа национальной системы образования, направленная на концептуальное закрепление неоосманских и пантюркистских амбиций. Особое внимание уделяется итогам неформального саммита Организации тюркских государств (ОТГ) в Казахстане и запуску «Делового альянса США и тюркских республик» (АТВА). Центр исследует стратегический симбиоз Анкары и Вашингтона, нацеленный на экономическое проникновение в Центральную Азию и сдерживание российско-китайского влияния, одновременно оценивая риски перенапряжения ресурсов Турции в условиях диспропорции между ее экспансионистской повесткой и реальным финансово-экономическим потенциалом.

Ключевые слова: *Турция, США, Организация тюркских государств (ОТГ), «Mavi Vatan», Центральная Азия, пантюркизм, геостратегическое моделирование, экономическая экспансия, восточно-средиземноморский кризис, «Армия Турана».*

1. Законодательное оформление доктрины «Mavi Vatan» и деконструкция Лозаннского мира

В начале июня в парламент Турции будет внесен разработанный правящей «Партией справедливости и развития» (AK Parti) законопроект о защите турецких прав и интересов в Черном, Средиземном и Эгейском морях. Таким образом, Турция переводит в законодательную плоскость доктрину авторства контр-адмирала Джема Гюрдениза «Голубая родина» («Mavi Vatan»), декларируемая цель которой – расширить зону юрисдикции страны в прибрежных морских водах. Закон должен главным образом закрепить права Турции на «спорные пространства» или «серые зоны» в Эгейском море, на которые она, в контексте спора с Грецией, заявляет свои претензии, а также установить новые границы исключительной экономической зоны, территориальных вод и континентального шельфа. Однако автоматически новые нормы и механизмы расширения силой закона распространяются и на Черное, и на Средиземное моря, где у Анкары также существует стремление расширить территории своей юрисдикции.

О намерениях власти оформить доктрину «Mavi Vatan» в статусе государственного закона было известно давно. Концепция контр-адмирала Дж. Гюрдениза приобрела большую значимость для Р. Т. Эрдогана в контексте его политики отрицания положений Лозаннского мирного договора (1923 г.), Конвенции ООН по морскому праву от 1982 г. (UNCLOS), а также противодействия Греции в споре за юрисдикцию над обширными морскими зонами в Эгейском море. Законопроект был готов к внесению в Великое национальное собрание Турции, и вопрос заключался лишь во времени запуска инициативы. Было ожидаемо, что Анкара, в соответствии с традицией сакрализации своей национальной политики, приурочит принятие краеугольного закона к символической дате. Очевидно, в данном случае таковой является официальный день подписания Лозаннского договора – 24 июля. Возможно, вынесенный в июне на обсуждение новый закон после прохождения всех необходимых процедур будет принят

именно в день подписания Лозаннского документа, тем самым символизируя начало эпохи «возрождения Турции» и ее отказа от выполнения «унизительных условий», навязанных после поражения Османской империи в Первой мировой войне.

2. Идеологическая реформа образования: концептуальный каркас

Однако вместе с тем заслуживает внимания и сам момент анонса внесения законопроекта в парламент, совпавший с рядом других событий, свидетельствующих о беспрецедентной активизации инициатив Анкары практически по всем приоритетным направлениям ее национальной стратегии.

14.05.2026 министр национального образования Турции Юсуф Текин заявил об окончательном утверждении проекта преобразования учебной программы школ в рамках «Модели образования века Турции». В соответствии с этой концепцией изменениям подвергнется ряд географических названий и исторических формулировок. К примеру, из учебников исчезнут прежние общепринятые термины «Центральная Азия», «Эгейское море», «Крестовые походы», «Великие географические открытия». Они будут заменены соответственно на «Туркестан», «Море островов», «Нападение крестоносцев», «Наступление колониального периода».

Согласно Ю. Текину, преобразования обусловлены политической ситуацией в мире и усилением агрессивности «имперских держав», в связи с чем «важность воспитания национального самосознания, необходимого для защиты своей идентичности и ценностей, для турок возрастает». Министр национального образования утверждает, что цель программы – вернуть многим географическим названиям их аутентичность, а исторические события представить в объективном свете, избавив их от навязанных извне интерпретаций, не отражающих реальной значимости и последствий этих событий для турок и других народов, пострадавших от колониализма. Однако независимые эксперты высказывают мнение, что в действительности утвержденная концепция призвана на образовательном и научном уровнях закрепить геополитические планы Турции по реализации своих пантюркистских, пантуранистских и неоосманских амбиций. Вносимые изменения четко очерчивают геополитические контуры, в пределах которых Анкара намерена шаг за шагом осуществлять свои экспансионистские программы.

3. Цифровая конвергенция тюркского пространства: саммит ОТГ в Туркестане

Следует отметить, что анонсированный законопроект о новой морской доктрине Турции и сообщения об утверждении новой образовательной концепции напрямую перекликаются по времени с еще одним знаковым событием. 15.05.2026 г. в казахстанском городе с символическим названием «Туркестан» состоялся неформальный саммит «Организации тюркских государств» (ОТГ), ключевой темой которого стали развитие цифровизации и внедрение искусственного интеллекта. Присутствующие на нем лидеры стран ОТГ выдвинули инициативу по разработке концепции «Цифрового тюркского коридора» для создания единой безопасной экосистемы обмена региональными данными.

Основной посыл выступлений и обсуждений на саммите сводился к идее о том, что без коллективной работы в сфере стремительно развивающихся IT-технологий и формирования базовых основ взаимодействия в сфере цифровой индустрии тюркская интеграция может стать анахронизмом, не отвечающим вызовам современного мира. По результатам встречи был достигнут ряд договоренностей об открытии совместных технопарков, акселерационных хабов и реализации дорожных карт по стимулированию IT-предпринимательства. Также на полях саммита обсуждались проекты по созданию совместных спутниковых группировок, призванных улучшить обмен данными и связь между странами-участниками ОТГ.

Показательно, что на саммите, повестка которого главным образом была посвящена вопросам цифровой конвергенции тюркского пространства и углубления его технологического взаимодействия, также широко обсуждались вопросы унификации тюркских языков и создания единой терминологической базы в рамках обновляемых научных, образовательных и иных интеграционных программ ОТГ. Работа в этом направлении началась задолго до последнего саммита, и на нем был зафиксирован ощутимый прогресс этих инициатив. Очевидно, что резонансное заявление министра национального образования Турции накануне саммита в Туркестане о фундаментальном реформировании географической и исторической терминологической базы учебных программ турецких школ и вузов было призвано показать, что Анкара, как локомотив ОТГ, уже дала старт практическим преобразованиям в данной сфере.

4. Проект АТВА: инструментализация американского капитала в Центральной Азии

Еще одним маркером нарастающей активности Анкары в рамках стратегии расширения своего влияния и амбиций, в частности в направлении Центральной Азии, следует считать запуск проекта по вовлечению Вашингтона в процесс экономической интеграции тюркского содружества. В середине мая 2026 г. стало известно, что в США запущен проект «Деловой альянс США и тюркских республик» (АТВА) со штаб-квартирой в Нью-Йорке, декларативная цель которого – тесная интеграция американского бизнеса с экономиками Турции, Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана и Туркменистана.

По мнению экспертов, новая инициатива представляет интерес для Вашингтона как дополнительная платформа, предоставляющая доступ к стратегическим ресурсам региона – урану, литию, редкоземельным металлам и транзитным маршрутам Центральной Азии и Черноморско-Каспийского бассейна. Формально декларируются поддержка бизнеса, привлечение инвестиций, расширение рынков и развитие связей, однако фактически речь идет о выстраивании «новой системы влияния США в Центральной Азии через деньги, корпорации и финансовую зависимость».

Интерес к этой площадке Турции, которая, по всей видимости, выступила главным инициатором создания АТВА, обусловлен высокой заинтересованностью в финансовом потенциале США и американских бизнес-групп. По мнению аналитиков, «ахиллесовой пятой» Турции в контексте участия в программе интеграции тюркских государств является ее крайне ограниченный инвестиционный потенциал. Анкара достаточно успешно продвигает в странах Центральной Азии свои политико-идеологические,

культурно-образовательные и даже военные инициативы, однако не может дополнить и укрепить весь спектр проецирования «мягкой силы» соразмерным финансовым участием в экономическом измерении развития региона. Страна, переживающая в последнее десятилетие острый финансово-экономический кризис, с большим отрывом уступает Китаю, США, ЕС и РФ по объему возможностей инвестирования в крупные логистические, энергетические и промышленные проекты региона, что негативно сказывается на ее амбициозных экспансионистских планах в отношении пространства ОТГ.

5. Инвестиционный дефицит Анкары и региональное соперничество внутри ОТГ

Ресурс политико-идеологической обработки «родственных республик», их элит и обществ имеет свои пределы, а эффект его изначального воздействия непременно пойдет на спад, если не будет подкреплён притоком капитала с целью установления дополнительных финансово-экономических рычагов влияния на эти страны. В условиях инвестиционного бума в странах Центральной Азии турецкое лидерство в ОТГ уже вызывает определенные вопросы, поскольку такие республики, как Казахстан и Узбекистан, не только открывают двери для китайского и западных капиталов, которые соответственно конвертируются в политическое влияние, но и сами демонстрируют признаки стремления к негласному статусу первенства в рамках тюркской интеграции.

Очевидно, что Анкара посредством платформы АТВА стремится скооперировать с США свои усилия по масштабному проникновению в финансово-экономическое измерение тюркского региона и дополнению своих экспансионистских программ, слабо подкреплённых собственно турецким инвестиционным портфелем.

США заинтересованы в расширении своего экономического присутствия в Центральной Азии для сдерживания здесь растущего китайского влияния и окончательного вытеснения России из данной геостратегической зоны. В этом свете корпоративное взаимодействие с тюркскими республиками и, прежде всего, с Турцией – удобный способ фронтального финансово-экономического проникновения в регион и формирования конкуренции китайскому инвестиционному доминированию. Самой же Анкаре выгодна роль координатора и проводника американской инвестиционной стратегии в Центральной Азии, которая в перспективе может включить в себя и функции военно-политического прикрытия американских капиталов в регионе. В широком смысле речь идет о симбиозе интересов США и Турции, направленном на необходимую обеим сторонам нейтрализацию «российско-китайской угрозы» в ключевой геостратегической зоне Евразийского континента.

6. Претензии на глобальную субъектность и слом постверсальского миропорядка

Хронологическая концентрация всех вышеперечисленных событий в пределах одной майской недели 2026 г. может свидетельствовать о беспрецедентной амплитуде всплеска геополитической активности Турции. Он коснулся практически всех критических направлений ее внешнеполитических интересов и программных действий. Очевидно, подобное насыщение сигналов свидетельствует о начале этапа

практической реализации геополитических амбиций Анкары, для которого, как считают турецкие власти, выбран наиболее удобный момент. Турция обостряет конфликт в Восточном Средиземноморье, создавая все предпосылки для перехода многолетнего спора с Грецией в парадигму прямого военного противостояния. Параллельно Анкара демонстративно подтверждает заявку своего лидерства в Центральной Азии, транслируя глобальным центрам силы, что геополитический порядок и безопасность в Центральной Азии могут быть установлены только с учетом признания тюркской интеграционной инициативы в качестве главного регионального фактора, определяющую роль в которой играет именно Анкара.

По сути, это заявка Турции на достижение уровня глобального центра силы, имеющего свой план организации геополитического пространства от Европы до Центральной Азии, поскольку прежний его порядок и баланс сил распадаются. В Анкаре уверены, что последствия украинского конфликта и иранского кризиса приведут не к коррекции региональных раскладов, а к слому – ввиду ключевой роли указанного пространства – всей архитектуры миропорядка, которая сложилась после Первой и Второй мировых войн. Анкара оценивает текущие процессы вокруг нее в контексте исторической вехи, которая либо окончательно вытолкнет страну на периферию глобального соперничества держав, либо, при условии проявления воли и активности, предоставит ей возможность занять позиции ключевого игрока-организатора нового мирового порядка – подобно тому, как это было в период Османского величия.

В этом контексте милитаризация Греции, иранский кризис, украинская проблема и рост агрессивности Израиля, с одной стороны, расширяют зоны опасной дестабилизации по всему периметру ее границ, создавая угрозы безопасности страны, а с другой – подталкивают к осуществлению программ неоосманского реваншизма с одновременным дополнением их пантюркистскими и пантуранистскими проектами. Поэтому Анкара склонна не наблюдать за процессами деградации прежнего миропорядка и выбирать в качестве задачи-минимум сохранение своих нынешних позиций, а действовать в логике приобретения новых.

7. Риски доктринального перенапряжения и феномен завышенных ставок Эрдогана

Вместе с тем всплеск турецкой активности практически по всем фронтам геостратегических интересов может вызвать вопрос о степени готовности страны к сформированным ею же вызовам. Поскольку речь идет не только о разных геополитических направлениях (Восточное Средиземноморье, Черное море, Балканы, Южный Кавказ, Центральная Азия и т. д.), но и о совершенно разнящихся в идеологическом измерении концепциях, заложенных в основу векторов турецкой активности (неоосманизм, пантюркизм, пантуранизм). Проблема заключается в ярко выраженном несоответствии военно-политического и экономического потенциала страны масштабам геостратегических амбиций ее руководства, а также в отсутствии у значительной части турецкого общества, не радикализированной национал-реваншистскими идеями, запросов на формирование экспансионистской повестки государства.

С учетом этого турецкая стратегия на обострение и активизацию по всем геополитическим фронтам сопряжена с большими рисками, и в ней четко просматривается излюбленная манера Р. Т. Эрдогана вступать в игру с заведомо завышенными ставками и одновременно на нескольких досках. Очевидно, в данном случае расчет строится на том, что основной натовский союзник Анкары – Вашингтон – после неудачного старта войны против Ирана, призванной подорвать позиции Пекина на Ближнем Востоке, намерен подобраться к китайским границам через центральноазиатский фланг. Это по определению невозможно без учета турецких интересов и поддержки планов Анкары по военно-политическому доминированию в этом регионе. США крайне необходима ОТГ в качестве дополнительного инструмента давления на КНР и РФ. В особенности Вашингтон интересуется формирующаяся перспективная военная компонента ОТГ, получившая в экспертных кругах название «*Армия Турана*».

Симбиоз обоюдных интересов послужил для Вашингтона стимулом обратить особое внимание на проект тюркской интеграции с перспективой оказания ему необходимого политического прикрытия, финансово-экономической поддержки и обеспечения технологического рывка. С учетом предоставленного США «зеленого света» на институционализацию нового тюркского полюса силы под эгидой Анкары, турецкие власти, очевидно пользуясь моментом, хотели бы удовлетворить свои амбиции и на восточно-средиземноморском, в частности греческом, направлении. Действия Анкары здесь на протяжении долгого времени были скованы негативной позицией НАТО, США, ЕС и Израиля, однако крайняя заинтересованность США в поддержке Турции на центральноазиатском направлении сдерживания КНР позволяет Анкаре выдвигать требования по спорным вопросам, оставшимся в наследство от Лозаннского мира, и начать процесс легитимизации собственных притязаний.

Резюме

За четвертьвековой период пребывания у власти Р. Т. Эрдогана Турция наработала богатый опыт одновременной игры на разных геостратегических досках. В настоящий момент сложилась ситуация, при которой подобная классическая комбинация, в случае ее долгосрочной и последовательной реализации, может принести ей не фрагментарные дивиденды «регионального уровня», а активы стратегического порядка, тем самым открыв перед ней реальные перспективы возврата в ранг глобальной державы, утраченный по итогам Первой мировой войны. Впрочем, здесь же, согласно логике исторического детерминизма, незримо, но вполне реально кроется опасность «надорваться».